

Антон Чехов

ЖИВОЙ ТОВАР

*Часть сборника
Рассказы. Повести. Пьесы*

АНТОН ЧЕХОВ
Живой товар

«Public Domain»

Чехов А. П.

Живой товар / А. П. Чехов — «Public Domain»,

«Грохольский обнял Лизу, перецеловал все ее пальчики с огрызенными розовыми ногтями и посадил ее на обитую дешевым бархатом кушетку. Лиза положила ногу на ногу, заложила руки под голову и легла. Грохольский сел рядом на стул и нагнулся к ней. Он весь обратился в зрение. Какой хорошенькой казалась она ему, освещенная лучами заходящего солнца!..»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Антон Павлович Чехов

Живой товар

Посвящается Ф. Ф. Попудогло

I

Грохольский обнял Лизу, перецеловал все ее пальчики с огрызенными розовыми ногтями и посадил ее на обитую дешевым бархатом кушетку. Лиза положила ногу на ногу, заложила руки под голову и легла.

Грохольский сел рядом на стул и нагнулся к ней. Он весь обратился в зрение.

Какой хорошенькой казалась она ему, освещенная лучами заходящего солнца!

Заходящее солнце, золотое, подернутое слегка пурпуром, всё целиком было видно в окно.

Всю гостиную и, в том числе, Лизу оно осветило ярким, не режущим глаза, светом и положило на короткое время позолоту...

Грохольский залюбовался. Лиза не бог весть какая красавица. Правда, ее маленькое кошачье личико, с карими глазами и с вздернутым носиком, свежо и даже пикантно, ее жидкие волосы черны, как сажа, и кудрявы, маленькое тело грациозно, подвижно и правильно, как тело электрического угря, но в общем... Впрочем, в сторону мой вкус. Грохольский, избалованный женщинами, любивший и разлюбивший на своем веку сотни раз, видел в ней красавицу. Он любил ее, а слепая любовь везде находит идеальную красоту.

– Послушай, – начал он, глядя ей прямо в глаза. – Я пришел потолковать с тобой, моя прелесть. Любовь не терпит ничего неопределенного, бесформенного... Неопределенные отношения, знаешь ли... Я вчера говорил тебе, Лиза... Мы постараемся сегодня покончить поднятый вчера вопрос. Ну, давай решать сообща... Что делать?

Лиза зевнула и, сильно морщась, потащила из-под головы правую руку.

– Что делать? – повторила она за Грохольским чуть слышно.

– Ну да, что делать? Решай вот, мудрая головка... Я люблю тебя, а любящий человек не подельчив. Он более чем эгоист. Я не в силах делиться с твоим мужем. И мысленно рву его на клочки, когда думаю, что и он любит тебя. Во-вторых, ты любишь меня... Для любви необходимым условием является полная свобода... А ты разве свободна? Тебя разве не терзает мысль, что над твоей душой вечно торчит этот человек? Человек, которого ты не любишь, быть может, что очень естественно, ненавидишь... Это во-вторых... В-третьих же... Что же в-третьих? А вот что... Мы обманываем его, а это... нечестно. Прежде всего, Лиза, правда. Прочь ложь!

– Ну, так что же делать?

– Ты можешь догадаться... Я нахожу нужным, обязательным объявить ему о нашей связи и оставить его, зажить на свободе. То и другое нужно сделать по возможности скорей... Например, хоть сегодня вечером ты... объяснишься с ним... Пора покончить... Разве тебе не надоело воровски любить?

– Объясниться? С Ваней?

– Ну да!

– Это невозможно! И вчера я говорила тебе, Мишель, что это невозможно!

– Почему же?

– Он обидится, раскричится, наделает разных неприятностей... Разве ты не знаешь, какой он? Боже сохрани! Не нужно объясняться! Выдумал еще!

Грохольский провел рукой по лбу и вздохнул.

– Да, – сказал он. – Он больше чем обидится... Я ведь отнимаю у него счастье. Он любит тебя?

– Любит. Очень.

– Вот еще комиссия! Не знаешь, с какого конца начать. Скрывать от него – подло, объясниться с ним – значит убить его... Черт знает что! Ну, как быть?

Грохольский задумался. Его бледное лицо нахмурилось.

– Будем всегда так, как теперь, – сказала Лиза. – Пусть сам узнает, если хочет.

– Но ведь это... это и грешно и... Наконец, ты моя, и никто не имеет права думать, что ты принадлежишь не мне, а другому! Ты моя! Никому не уступлю! Мне жаль его, видит бог, как жаль, Лиза! Когда я вижу его, мне больно делается! Но... но что ж делать, наконец? Ведь ты его не любишь? Чего же ради ты будешь с ним маяться? Объясниться надо! Объяснимся с ним и поедem ко мне. Ты моя жена, а не его. Пусть как знает. Как-нибудь перетерпит свое горе... Не он первый, не он и последний... Хочешь бежать? А? Говори скорей! Хочешь бежать?

Лиза поднялась и вопросительными глазами поглядела на Грохольского.

– Бежать?

– Ну да... В именье ко мне... В Крым потом... Объяснимся с ним письменно... Ночью можно. Поезд в половину второго. А? Хорошо?

Лиза почесала лениво переносье и задумалась.

– Хорошо, – сказала она и... заплакала.

На ее щечках заиграли красные пятнышки, глазки надулись, и по кошачьему личику потекли слезы...

– О чем ты? – встревожился Грохольский. – Лиза! Чего ты? Ну? Чего плачешь? Эка ведь! Ну чего? Голубчик! Мамочка!

Лиза протянула к Грохольскому руки и повисла на его шее. Послышались всхлипывания.

– Мне жаль его... – забормотала Лиза. – Ах, как мне его жаль!

– Кого?

– Ва... Ваню...

– А мне не жаль? Но что же делать? Мы причиним ему страдания... Он будет страдать, проклинать... Но чем же мы виноваты, что мы любим друг друга?

Сказавши это, Грохольский отскочил от Лизы, как ужаленный, и сел в кресло. Лиза спорхнула с его шеи и быстро, в мгновение ока, опустилась на кушетку.

Оба они страшно покраснели, опустили глаза и закашляли.

В гостиную вошел высокий широкоплечий малый, лет тридцати, в чиновничьем вицмундире. Он вошел незаметно. Только стук стула, за который он зацепился у двери, дал знать любовникам о его приходе и заставил их оглянуться. Это был муж.

Оглянулись они поздно. Он видел, как Грохольский держал за талию Лизу, и видел, как Лиза висела на белой, аристократической шее Грохольского.

«Он видел!» – подумали в одно и то же время Лиза и Грохольский, стараясь спрятать подальше свои отяжелевшие руки и сконфуженные глаза...

Розовое лицо остолбеневшего мужа побелело.

Мучительное, странное, душу возмущающее молчание длилось три минуты. О, эти три минуты! Их и до сих пор вспоминает Грохольский.

Первый задвигался и прервал молчание муж. Он зашагал к Грохольскому и, строя на своем лице бессмысленную гримасу, похожую на улыбку, подал ему руку. Грохольский слегка пожал мягкую, потную руку и весь вздрогнул, точно раздавил в кулаке холодную лягушку.

– Здравствуйте, – пробормотал он.

– Здоровы-с? – чуть слышно прохрипел муж и сел против Грохольского, поправляя у себя сзади воротник...

Опять наступило томительное молчание... Но это молчание уже было не так глупо... Первый приступ, самый тяжелый и бесхарактерный, прошел.

Оставалось теперь только кому-нибудь из двух ретироваться за спичками или за другим каким-нибудь пустяком. Обоим сильно хотелось уйти. Они сидели и, не глядя друг на друга, подергивая себя за бородки, искали в своих взбудораженных мозгах выхода из ужасно неловкого положения. Оба были потны. Оба невыносимо страдали, и обоих пожирала ненависть. Хотелось вцепиться, но... как начать и кому первому начинать? Хоть бы она вышла!

– Я вас вчера в собрании видел, – пробормотал Бугров (так звали мужа).

– Я был там... был... Танцевали?

– Гм... да. С той... с Люкоцкой младшей... Тяжело пляшет... Невозможно пляшет. Болтать мастерица. (Пауза.) Болтает неумоимо.

– Да... скучно было. И я вас видел...

Грохольский нечаянно взглянул на Бугрова... Его глаза встретились с блуждающим взглядом обманутого мужа, и он не вынес. Он быстро встал, быстро поймал руку Бугрова, пожал ее, схватил шляпу и пошел к двери, чувствуя за собой свою спину. Ему казалось, что на его спину смотрит тысяча глаз. То же чувствует освистанный актер, удаляясь с авансцены, то же самое чувствует и фат, которому дали подзатыльник и выводят с полицией...

Как только затихли шаги Грохольского и скрипнула дверь в передней, Бугров вскочил и, сделав по гостиной несколько кругов, зашагал к жене. Кошачье личико съежилось и замигало глазками, точно ожидало щелчка. Муж подошел к ней и, наступая ей на платье, толкая ее колени своими коленями, с искаженным, бледным лицом потряс руками, головой и плечами.

– Если ты, дрянь этакая, – заговорил он глухим, плачущим голосом, –пустишь его сюда еще хоть раз, то я тебя... Чтоб шага не смел! Убью! Понимаешь? А-а-а... Тварь негодная! Дрожишь! Мерр... зость!

Бугров схватил ее за локоть, потряс и шнырнул ее, как резиновый мячик, к окну.

– Дрянь! Пошлая! Стыда нет!

Она полетела к окну, едва касаясь пола ногами, и ухватилась руками за занавески.

– Молчать! – крикнул супруг, подойдя к ней, и, сверкая глазами, топнул ногой.

Она молчала. Она глядела на потолок и всхлипывала, имея на лице выражение кающейся девочки, которую хотят наказать.

– Так ты так? А? С хлыщом? Хорошо! А перед алтарем? Кто? Хороша жена и мать! Молчать!

И он ударил ее по ее хорошенькому хрупкому плечу.

– Молчать! Дрянь! Я тебя еще и не так! Если этот прохвост посмеет явиться сюда хоть еще раз, если я тебя хоть еще раз... (слушай!!) увижу с этим мерзавцем, то... не проси милости! В Сибирь пойду, а убью! И его! Ничего мне не стоит! Ступай! Не хочу я тебя видеть!

Бугров утер рукавом лоб и глаза и зашагал по гостиной. Лиза, всхлипывая всё громче и громче, подергивая плечами и вздернутым носиком, принялась рассматривать кружева на занавесках.

– Блажишь! – закричал супруг. – Глупостей в голове много у дуры! Прихоти всё! Я, брат, Лизавета, этого... не того! У меня не чичирк! Я не люблю! Хочешь свинством заниматься, так... гайда! В доме моем нет тебе места! Марш, коли... В жены пошла, так забудь, выкинь из дурной головы этих франтов! Глупости всё! Другой раз чтоб этого не было! Поговори еще! Мужа люби! Мужу дана, мужа и люби! Так-то! Одного мало? Ступай, пока... М-мучители!

Бугров помолчал и крикнул:

– Ступай, говорят! Иди в детскую! Чего реवेशь? Сама виновата и реवेशь! Эка! В прошлом году на Петьке Точкове висла, теперь на этого, прости господи, дьявола повисла... Тьфу! Пора понимать, кто ты! Жена! Мать! В прошлом году неудовольствия вышли, теперь выйдут неудовольствия... Тьфу!

Бугров громко вздохнул, и в воздухе запахло хересом. Он возвратился с обеда и был слегка пьян...

– Обязанностей не знаешь? Нет!.. Вас учить надо! Вы еще не учены! И маменьки ваши потаскухи и вы... Реви! Да! Реви вот!

Бугров подошел к жене и потянул из ее рук занавеску.

– Не стой у окна... Людям видно, как ты реवेशь... Другой раз чтоб этого не было. От объятий до беды дойдешь... Влопаешься. Нешто мне приятно рога носить? А наставишь, коли возиться с ними, с хамами, будешь... Ну, полно... В другой раз ты... не того... Я ведь... Лиза... Оставь...

Бугров вздохнул и обдал Лизу хересовыми парами.

– Ты молоденькая, глупенькая, ничего не понимаешь... Меня дома никогда не бывает... Ну, а они и пользуются. Надо быть умной, рассудительной! Надуют! А уж тогда я не выношу... Тогда я шабаш... Кончено! Тогда хоть и помирай ложись. За измену я... я, матушка, всё готов сделать. До смерти избить могу и... прогоню. Иди тогда к своим прохвостам.

И Бугров своей большой мягкой ладонью (*horribile dictu!*)¹ вытер мокрое, заплаканное лицо изменницы Лизы. Он обращался со своей двадцатилетней женой, как с ребенком!

– Ну, полно... Извиняю, только чтоб в другой раз... ни боже мой! Извиняю в пятый раз, а уж в шестой не извиню. Это как бог свят. За такие штуки и бог не прощает вашего брата.

Бугров нагнулся и потянулся своими лоснящимися губами к головке Лизы.

Но поцелуй не удался...

В передней, столовой, зале и гостиной захлопали двери, и в гостиную, как вихрь, влетел Грохольский. Он был бледен и дрожал. Руками он махал, мял свою дорогую шляпу. Сюртук болтался на нем, как на вешалке. Он олицетворял собою сильнейшую лихорадку. Увидев его, Бугров отошел от жены и стал смотреть в другое окно. Грохольский подлетел к нему и, махая руками, тяжело дыша и ни на кого не глядя, заговорил дрожащим голосом:

– Иван Петрович! Перестанем играть друг перед другом комедию! Довольно нам обманывать один другого! Довольно! Не в силах я! Что хотите делайте, а я не могу. Противно и подлю, наконец! Возмутительно! Поймите вы, что возмутительно!

Грохольский захлебывался и задыхался.

– Не в моих правилах. И вы честный человек. Я люблю ее! Люблю ее больше всего на свете! Вы это заметили и... Обязан я это сказать!

«Что ему сказать?» – подумал Иван Петрович.

– Нужно покончить! Комедия эта не может так долго тянуться! Должно это всё чем-нибудь разрешиться.

Грохольский вдохнул в себя побольше воздуха и продолжал:

– Я жить без нее не могу. Она тоже. Вы ученый человек, вы поймете, что при таких условиях ваша семейная жизнь невозможна. Эта женщина не ваша. Ну да... Одним словом, я прошу взглянуть на это дело с снисходительной... гуманной точки. Иван Петрович! Поймите же наконец, что я люблю ее, люблю больше себя, больше всего на свете, и противиться этой любви выше сил моих!

– А она-с? – спросил угрюмым, несколько насмешливым тоном Бугров.

– Спросите ее! Ну вот, спросите ее! Жить ей с нелюбимым человеком, жить с вами, любя другого, ведь это... это... страдать значит!

– А она? – повторил уже не насмешливым тоном Бугров.

– Она... она любит меня! Мы полюбили друг друга... Иван Петрович! Убивайте нас, презирайте, гонитесь за нами, делайте что хотите... но мы больше не в силах скрывать от вас! Мы оба налицо! Судите нас со всею строгостью человека, у которого мы... судьба отняла счастье!

¹ страшно сказать! (*лат.*).

Бугров покраснел, как переваренный рак, и одним глазом поглядел на Лизу. Он замигал глазами. Пальцы, губы и веки его задрожали. Бедный он! Глаза плачущей Лизы говорили ему, что Грохольский прав, что дело серьезно...

– Ну что ж? – забормотал он. – Ежели вы... В нынешние времена... Вы все этак...

– Видит бог, – завизжал высоким тенором Грохольский, – что мы понимаем вас! Разве мы не понимаем, не чувствуем? Я знаю, какие страдания я причиняю вам. Видит бог! Но будьте снисходительны! Умоляю вас! Мы не виноваты! Любовь не есть вина. Никакая воля не может ей противиться... Отдайте мне ее, Иван Петрович! Отпустите ее со мной! Возьмите с меня что хотите за ваши муки, жизнь мою возьмите, но отдайте мне Лизу! Я на всё готов... Ну, укажите, чем я могу хоть отчасти заменить вам ее? Взамен этого потерянного счастья я могу вам дать другое счастье! Могу, Иван Петрович! Я на всё согласен! Подло было бы с моей стороны оставить вас не удовлетворенным... Я понимаю вас в настоящую минуту.

Бугров махнул рукой, как бы говоря: «Уйдите ради самого бога!» Глаза его начали заволакиваться предательской влагой... Сейчас увидят, что он плакса.

– Я понимаю вас, Иван Петрович! Я дам вам другое счастье, которого вы не испытали. Что вы хотите? Я богатый человек, я сын влиятельного человека... Хотите? Ну, сколько хотите?

У Бугрова вдруг заколотило сердце... Он обеими руками взялся за оконные занавески.

– Хотите... пятьдесят тысяч? Иван Петрович, умоляю... Это не подкуп, не купля... Я хочу только жертвой с своей стороны загладить хоть несколько вашу неизмеримую потерю... Хотите сто тысяч? Я готов! Сто тысяч хотите?

Боже мой! Два огромнейших молотка заколотили по вспотевшим вискам несчастного Ивана Петровича... В ушах со звонками и бубенчиками забегали русские тройки...

– Примите от меня эту жертву! – продолжал Грохольский. – Умоляю вас! Вы снимете с моей совести тяжесть. Прошу вас!

Боже мой! Мимо окна, в которое глядели влажные глаза Бугрова, по мостовой, слегка влажной от брызнувшего майского дождичка, прокатила шикарная четырехместная коляска. Кони лихие, лютые, с лоском, с манерой. В коляске сидели люди в соломенных шляпах, с довольными лицами, с длинными удилами, сачками... Гимназист в белой фуражке держал в руках ружье. Они ехали на дачу удить рыбу, охотиться, пить на свежем воздухе чай. Ехали в те благодатные места, где во время оно бегал по полям, лесам и берегам босой, загорелый, но тысячу раз счастливый сын деревенского дьякона, мальчик Бугров. О, как чертовски соблазнителен этот май! Как счастливы те, которые, сняв свои тяжелые вицмундиры, могут сесть в коляску и полететь в поле, где кричат перепела и пахнет молодым сеном. Сердце Бугрова сжалось от приятного, охлаждающего чувства... Сто тысяч! Вместе с коляской пред ним пролетели все его заветные мечты, которыми он любил угощать себя в продолжение всего своего чиновничьего житья-бытья, сидя в губернском правлении или в своем тщедушном кабинете... Река, глубокая, с рыбой, широкий сад с узенькими аллеями, фонтанчиками, тенями, цветами, беседками, роскошная дача с террасами и башней, с Эоловой арфой и серебряными колокольчиками... (О существовании Эоловой арфы он узнал из немецких романов.) Небо чистое, голубое; воздух прозрачный, чистый, пропитанный запахами, напоминающими ему его босое, голодное и забитое детство... В пять часов вставать, в девять ложиться; днем ловить рыбу, охотиться, беседовать с мужичьем... Хорошо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.